

П. Е. ЩЕГОЛЕВ

**ИЗ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
ПУШКИНА**

*ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА

1 9 3 1

ЛЕНИНГРАД

ИЗ СЕМЕЙНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ О КИШИНЕВСКОЙ ЖИЗНИ ПУШКИНА¹

«Все, что я лично знаю о жизни великого русского поэта, относится к 1820—1823 годам и пересказано мне моей тетушкой, покойной Екатериной Захарьевной Стамо, родной сестрой моего отца Константина Захарьевича Ралли, который умер, когда мне едва минуло 7 лет и которого я очень мало знал.

— Твой отец, передавала мне тетушка, — был близок к Александру Сергеевичу, и в свою бытность в Кишиневе Пушкин проводил целые дни в доме твоего отца. Там я и познакомилась с ним. Мы с мужем жили в доме генеральши Грабовской, который наняли тотчас после свадьбы; в этом же доме потом, много позже, жил и твой отец. Дом Грабовской был на спуске к Фонтану, а сзади его, на взгорье стоял дом генерала Инзова, где жил Александр Сергеевич, так что сад инзовского дома приходился смежным с задним двором нашего дома. Отец твой в молодости был чист, как невинная девушка; он много читал, и любимыми его писателями были Вольтер, Жан Жак Руссо, Кондильяк и Байрон, которого он знал наизусть и любил декламировать; отец твой говорил прекрасно по-французски и по-гречески и всегда очень сожалел, что не знает по-немецки. В доме твоего отца никогда не играли в карты, отец этого не выносил; зато по вечерам гости занимались политикой или музыкой, так как твой отец играл на мелодимуме, и я с Александром Сергеевичем зачастую готовы были слушать его по целым часам...

— Пушкин был большой повеса, — прибавляла после небольшой паузы тетушка, — а я к тому еще на беду считалась в молодости красавицей. Большого труда мне стоило сдерживать молодого человека в его годы. Я всегда была самых строгих правил, — такое нам всем было дано воспитание, — ну, а Александр Сергеевич имел взгляды на женщину довольно-таки легкие, и потом все же, надо принять во внимание, что среда наша для него, русского, была совершенно чужда. Благодаря, с одной стороны, моему личному такту, с другой, благодаря

---

¹ Впервые напечатано в журнале «Минувшие Годы», 1908, № 7.

влиянию твоего отца, я сумела в конце концов поставить себя с Александром Сергеевичем так, что он не повторял более своей *déclaration*, которую сделал раз мне, замужней женщине. Мы считались приятелями, и наша дружба длилась даже после отъезда его в Одессу.

Такова в общих чертах характеристика отношений моей семьи к А. С. Пушкину по словам моей тетушки, которая имела обыкновение в разговоре пересыпать свою речь целыми французскими фразами. Конечно, я передаю здесь лишь скелет всего слышанного мною и за давностью лет во многом перебытого.

— Однажды, — рассказывала мне тетушка Катерина Захарьевна, — твой отец собрался посетить одно из отцовских имений — Долну. Между этим имением и другим, Юрченами, в лесу находится цыганская деревня. Цыгане этой деревни принадлежали твоему отцу. Вот, помню, однажды, Александр Сергеевич и поехал вместе с твоим отцом в Долну, а оттуда они потом поехали лесом в Юрчены и, конечно, посетили лесных цыган. Табор этот имел старика булибашу (старосту), известного своим авторитетом среди цыган; у старика булибаша была красавица дочь. Я прекрасно помню эту девушку, ее звали Земфирой; она была высокого роста, с большими черными глазами и вьющимися длинными косами. Одевалась Земфира по-мужски носила цветные шаровары, баранью шапку, вышитую молдавскую рубаху и курила трубку. Была она действительно настоящая красавица, и богатое ожерелье из разных старых серебряных и золотых монет, окружавшее шею этой дикой красавицы, конечно, было даром не одного из ее поклонников. Александр Сергеевич до того был поражен красотой цыганки, что упросил твоего отца остаться на несколько дней в Юрченках. Они пробыли там более двух недель, так что отец мой даже обеспокоился и послал узнать не приключилось ли чего с молодыми людьми. И вот, к нашему общему удивлению, пришло из Долны известие, что отец твой и Александр Сергеевич ушли в цыганский табор, который откочевал к Варзарештам. По получении такого известия отец мой послал тотчас другого нарочного с письмом к брату Константину, и мы ждали с нетерпением ответа, который, помню, долгою — таки запоздал. Наконец, пришло письмо от брата к отцу, — оно было писано по-гречески, — и отец, прочитавши его, объявил нам, что ничего особенного не случилось, но что Александр Сергеевич просто-напросто сходит с ума по цыганке Земфире. Недели через две наши молодые люди, наконец, вернулись. Брат рассказал нам, что Александр Сергеевич бросил его и настоящим-таки образом поселился в шатре булибаша. По целым дням он и Земфира бродили в стороне от табора, и брат видел их держащимися за руки и молча сидящими среди поля. Цыганка Земфира не знала по-русски, Александр Сергеевич не

знал, конечно, ни слова на том цыганско-молдавском наречии, на котором говорила она, так что они оба, по всему вероятно, объяснялись более пантомимами. Если бы не ревность Александра Сергеевича, который заподозрил Земфиру в некоторой склонности к одному молодому цыгану, — говорил брат нам, — то эта идиллия затянулась бы еще на долгое время, но ревность положила всему самый неожиданный конец. В одно раннее утро Александр Сергеевич проснулся в шатре булибаши один-одинешенек, Земфира исчезла из табора. Оказалось, что она бежала в Варзарешты, куда помчался за нею и Пушкин; однако, ее там не оказалось, благодаря, конечно, цыганам, которые предупредили его. Так-то окончилась эта шалость Пушкина.

— Потом, когда Александр Сергеевич уехал от нас, — передавала мне после небольшой паузы тетушка, — он прислал мне своих «Цыган» — прекрасно написанную поэму, и мы все много смелись над пылкой фантазией поэта, создавшего из нашей Земфиры свою свободолюбивую героиню; что же касается неисправимого эгоиста Алеко, то, по - моему, он был не прав; такому эгоисту вовсе не следовало идти в цыганский табор наших бедных юрченских дикарей. С Александром Сергеевичем я не говорила об этой его *amourette*, да и он по приезде из деревни не промолвился ни одним словом про всю свою эскапад с цыганкой Земфирой. Отец твой писал Пушкину в Одессу про дальнейшую судьбу его героини; дело в том, что Земфиру зарезал ее возлюбленный цыган, и бедная его героиня действительно трагически покончила свою короткую жизнь.

На мои расспросы о политическом образе мыслей Пушкина тетушка всегда отвечала мне на эти мои вопросы французской фразой: «*Oh, il était tout-à-fait rouge!*» Когда затевался какой-либо вопрос политического характера, Александра Сергеевича просили говорить по-французски. «*Pour que les domestiques ne comprennent pas*», — прибавляла Екатерина Захарьевна, так как в нашем доме была привычка говорить про все вещи по-гречески, но при Пушкине, который по-гречески не знал, все из вежливости говорили по-французски.

— Александр Сергеевич был человек, скомпрометтированный политически; он сам любил всегда, говоря о себе, цитировать следующую фразу какого-то французского поэта, которая à la longue была известна всем в нашем обществе и всегда повторялась, лишь только зайдет речь о Пушкине. Вот это двустишие, запиши его:

Il m'a dit: choisis d'être oppresseur ou victime.
J'embrassai le malheur et lui laissai le crime!

— Тогда это двустишие у нас долго повторялось всеми. Неблагонамеренность Пушкина и его дружба с твоим отцом, — говорила мне тетушка, — была причиной тому, что твой отец

был не на хорошем счету у правительства, и поэтому по службе он не пошел далеко; при губернаторе Федорове о нем даже был запрос официальный, в котором указывалось на вредный образ мыслей бывшего друга Пушкина.¹ Вследствие всего этого отец твой уехал потом за границу, где прожил много лет.

Таковы вкратце все те отрывки воспоминаний, которые сохранились в моей памяти из рассказов моей тетушки о великом русском поэте.

Замфир Ралли-Арборе.

Автор этих воспоминаний, Замфир Константинович Ралли, имеет крупное революционное имя; он принимал деятельнейшее участие в революционном движении 70-х годов, был ближайшим приверженцем Бакунина, состоял членом редакций издававшихся за границей русских газет «Работник» (1875—76 гг.) и «Община» (1876—1879 гг.). Просматривая воспоминания З. К. Ралли о М. А. Бакунине,² которые были присланы им в 1907 г. в редакцию журнала «Былое», я встретил упоминание о том, что Бакунин интересовался рассказами З. К. из семейной хроники Ралли. Одна из двоюродных сестер М. А. Бакунина, Анна Павловна Полторацкая, вышла замуж за дядю З. К. — Ивана Ралли и с мужем уехала в Кишинев, где в это время жило все семейство Ралли. В двадцатых годах жил в этом городе и А. С. Пушкин. Вот рассказы о Пушкине, сохранившиеся в семье Ралли, и интересовали в высшей степени Бакунина. «Пушкин — пишет в своих воспоминаниях о М. А. Бакунине З. К. Ралли — был очень дружен с моим отцом, Константином Ралли, и много хлопот наделал моей тетушке, Екатерине Стамо, в которую вздумал влюбиться. Тетушка Екатерина Захарьевна была, однако, женщиной строгих нравов и до конца жизни своей не согласилась отдать мне сохранившиеся у ней два письма поэта, в которых Пушкин lui a fait sa déclaration. Моя старая тетушка до своей смерти так и не читала этих книг, кроме старых французских романов, рекомендованных ей для прочтения еще Пушкиным. Рассказы мои, даже анекдотического характера про Пушкина, сохранившиеся в семье нашей, утешали Бакунина и Зайцева в отшельнической жизни в Локарно». Полагая, что рассказы эти могут представлять интерес и иметь ценность для биографии поэта, мы обратились к З. К. Ралли с просьбой сообщить все, что удержала его память из рассказов его тетки Е. З. Стамо, а также

¹ Павел Иванович Федоров (1791—1855) был в 1834 году назначен бесарабским гражданским губернатором, а в 1836 году военным. На этой должности он оставался до 1854 года.

² Эти воспоминания увидели свет на страницах журнала «Минувшие годы» (1908 г. август) и в сборнике «О минувшем». П. 1909.

поискать эти письма. 10 апреля 1908 г. в ответ на обращение З. К. Ралли сообщил: «я написал дочери тетушки Екатерины Захарьевны Стамо, которая живет в Париже—и если существуют еще какие-либо письма, то вы их, по всему вероятно, получите; написал я также и в другое место в Черновды, где я отыскал тому назад более 35 лет старое издание Ж. Ж. Руссо, принадлежавшее покойному поэту, там его рукою на полях существуют заметки, писанные то по-русски, то по-французски. Книги эти лежат или, лучше сказать, лежали на полке в имении моей двоюродной сестры вместе с другими книгами моего отца. — Но я не удосужился никогда проехать туда, чтобы взять этот старый сундук с старым хламом. Что сундук существовал тому назад еще несколько лет, об этом писали мне. — Во всяком случае сделаю все зависящее от меня, — и напишу вам несколько страниц про Пушкина в нашей семье». З. К. любезно отозвался на нашу просьбу и прислал свои семейные воспоминания о Пушкине, напечатанные в «Минувших годах».

Не противореча достоверно известному нам из кишиневской жизни поэта, эти записки сообщают несколько новых подробностей о Пушкине и, между прочим, новую версию вопроса о происхождении «Цыган». Новая версия выгодно отличается от других известных нам, весьма удаленных от действительности и дающих простор для фантазии автора. Вот факт, имевший место: «однажды Пушкин исчез и пропал несколько дней. Дни эти он прокочевал с цыганским табором, и это породило впоследствии поэму «Цыгане» (Воспоминания брата Пушкина, Льва Сергеевича). А в эпилоге к «Цыганам» читаем:

За их ленивыми толпами
В пустынях часто я бродил,
Простую пищу их делил,
И засыпал пред их огнями;
В походах медленных любил
Их песен радостные гулы,
И долго милой Мариулы
Я имя нежное твердил.

Из всех известных рассказов о том, как Пушкин бродил среди цыган, только от рассказа Е. З. Стамо веет жизненной правдой.¹

Об авторе рассказа Екатерине Захарьевне Стамо сохранились упоминания и в пушкинской литературе. Если она до самой смерти упоминала о поэте, то и Пушкин, много лет спустя после своего отъезда из Кишинева, вспоминал о ней, как о женщине, «близкой его воспоминанию». Именно такой эпитет находим в письме Пушкина к своему кишиневскому другу

¹ Рассказ Францевой непозволительно фантастичен; версии, приводимые Л. С. Мадеевичем, тоже не внушают доверия.

Н. С. Алексееву от 26 декабря 1830 года. В этом письме Пушкин настоятельно просит Алексеева сообщить ему о кишиневских событиях и лицах и в том числе о Стамо. 14 января 1831 года Алексеев отвечал поэту, что «мадам Стамо овдовела и на конец свободна от мужа». Память о Е. З. Стамо сохранилась и в следующих современных кишиневских куплетах, которые приписывались Пушкину:

Музыка Варфоломея
Становись скорей в кружок,
Инструменты строй живее,
И играй на славу джок.
Наблюдая нежны связи,
С дамой всяк ступай любовой,
В первой паре Катакази
С скромной Стамовой женой.¹

Любопытные сведения о семействе Ралли сообщил И. П. Липранди. «Из других семейных домов Пушкин довольно часто посещал семейство Ралли. У Ралли, или Земфираки [прозвище, произведенное от Земфир], кроме трех сыновей (из коих в особенности один был очень порядочный молодой человек) было две дочери: одна Екатерина Захарьевна, лет 22, была замужем за коллежским советником Апостолом Константиновичем Стамо, имевшим более 50 лет. Пушкин прозвал его «bellier conducteur» и действительно физиономия у него как-то схожа была с бараньей, но он был человек очень образованный, всегда щеголевато одетый. Жена его очень малого роста с чрезвычайно выразительным смуглым лицом, прекрасными большими глазами, очень умная и начитанная и резко отличалась от всех своими правилами: была очень любезна, говорлива и преимущественно проповедывала нравственность. Пушкин любил болтать с нею, сохраняя приличный разговор. Сестра ее Марья (Мариола) была девушка лет 18, приятельница Пульхериды [Варфоломей], но гораздо красивее последней и лицом, и ростом, и формами, и к тому двумя или тремя годами моложе. Пушкин в особенности любил танцевать с ней. У Ралли танцевали очень редко, но там были чаще музыкальные вечера».²

Но любопытство, раззадоренное сообщением о двух письмах Пушкина к Е. З. Стамо, осталось неудовлетворенным, и я вновь просил З. К. Ралли поискать эти письма. В начале 1909 г. я получил следующий ответ: «Относительно Ал. Сер. Пушкина ничего пока не могу вам сказать, т. к. только летом будущим надеюсь побывать в старом замке в Красне, что в Буковине. Дело в том, что все старики перемерли, а мой

¹ Другой вариант — Скиновой; основания, приводимые Липранди в пользу этого чтения, незначительны. Если Скино отличалась скромностью, то и скромность Е. З. Стамо тоже засвидетельствована.

² «Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди» — «Русск. Арх». 1866, ст. 1231 — 1233.

племянник, будучи австрийским посланником в Венецуэле, живёт за океаном; в Красне же никого нет, кто бы мог перерыть весь тот хлам книг и бумаг, что находится там, я писал уже туда и мне прислали целый сундук старого журнала «Москвитянин» вместо того, что я требовал. Без меня лично следовательно нельзя ничего сделать; относительно писем Пушкина я писал своей двоюродной сестре Марии Зилоти, дочери Кат. Захар. Стамо, но получил ответ, что кузина живет в Париже опять, а адреса мне не прислали. Будем надеяться, что в конце концов найдем письма Пушкина». На новое мое обращение З. К. Ралли отвечал 27 мая 1909 года: ... в июле месяце этого года я еду специально на родину в Буковину, для того чтобы разобрать весь тот старый хлам книжный и бумажный, который лежит в кладовых старого замка села Красны со смерти моих родителей. Не был я там вот уже более 40 лет. Все, что найдется интересующего Вас, буду иметь особенное удовольствие переслать Вам заказной посылкой».

Но тут оборвалась моя переписка с З. К. Ралли. Судьба его поисков мне неизвестна.